

Латышские племена в первом тысячелетии нашей эры

В. В. Дорошенко

Настоящее сообщение ставит задачей осветить некоторые моменты хозяйственного и общественного развития племён древней Латвии в период перехода от патриархально-общинных порядков к феодальному строю.

Историки советской Прибалтики ещё очень мало сделали для творческой разработки проблем поставленных перед советской наукой гениальным трудом И. В. Сталина по вопросам языкознания. Это относится в первую очередь к вопросу о взаимоотношении базиса и надстройки. Так, до сих пор не учитывалось то обстоятельство, что признаки появления новой формации, например, феодальной, следует искать прежде всего в области базиса, то есть в экономическом строе, в производственных отношениях данного общества. Надстройка же, как учит И. В. Сталин, «отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе»¹. Опыт историков (Б. Д. Греков и др.), пересмотревших в связи с этим отдельные устаревшие положения относительно древней истории Руси, позволяет несколько по-иному подойти и к освещению отдельных этапов общественного развития прибалтийских народов в первом тысячелетии нашей эры.

Как шла формирование предпосылок, необходимых для появления базиса феодального общества у прибалтийских племён, начавшееся, несомненно, задолго до появле-

ния здесь германо-католических крестоносцев в XIII веке? Каковы хронология и содержание конкретных этапов этого длительного процесса? И, наконец, чем объяснить, что народы Прибалтики пришли к феодализму сравнительно поздно и, во всяком случае, значительно позже восточных славян, которые уже к началу X в. успели построить большое, относительно единое раннефеодальное государство? Выяснение этих вопросов имеет не только научно-теоретическое, но и политическое значение: оно позволит более глубоко разоблачить антинаучные измышления реакционной историографии о якобы извечной отсталости народов Восточной Европы, их мнимой неспособности к самостоятельному развитию.

Более или менее подробные письменные источники о древней истории латышей и эстов относятся к сравнительно позднему времени, когда феодализм уже развивался вглубь, а Прибалтика находилась под игом немецких завоевателей. Это — известная «Хроника Ливонии» католического монаха Генриха и «Старшая рифмованная хроника» одного из орденских рыцарей XIII века. Показания этих памятников в лучшем случае дают возможность судить о результатах того развития, основные тенденции которого намечались ещё в конце I тысячелетия нашей эры. Для решения поставленной нами проблемы эти источники могут быть использованы лишь косвенно и, разумеется, с учётом крайней тенденциозности их авторов — людей, глубоко враждебных местной куль-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11. Госполитиздат. 1950.

туре и смотревших на народы Восточной Прибалтики глазами натлых захватчиков².

Тем более внимательно приходится вчитываться в сбивчивые и путаные рассказы скандинавских и отчасти немецких источников более раннего времени. К сожалению, они крайне отрывочны, притом в них правда перемешана с вымыслом. Речь идет прежде всего о скандинавских сказаниях-сагах, которые повествуют о походах королей и дружинников-«викингов» на восток, в пределы куршей или земгалов, эстов и финнов, через устье р. Даугавы в глубь территории Латвии и далее на восток, в русские земли. Записанные в XII—XIV вв., эти саги имеют в виду события более древние, начиная примерно с середины I тысячелетия нашей эры³. Кое в чём эти данные дополняются надписями на камнях, поставленных в память погибших «викингов», так называемыми руническими надписями XI века⁴.

Из средневековых немецких летописей можно отметить «Жизнеописание св. Ангария», составленное Римбертом и повествующее о нападениях шведов и датчан на Курсу около 854—855 гг., сочинения Адама

² Политическая тенденция названных хроник исчерпывающе охарактеризована в труде проф. Я. Зутиса «Очерки по историографии Латвии», ч. I. «Прибалтийско-немецкая историография», стр. 6—22. Рига. 1949. Живописуя подробности крестоносных зверств, хронисты, разумеется, не утруждают себя докучливым описанием хозяйственного и общественного быта покоряемого населения. Всеми силами стараюсь возвести «культуртрегерскую» миссию покорителей и ассимиляторов, они сознательно принижают уровень развития прибалтийских народностей, стремятся скрыть достижения их культуры. Ясно, что показания столь необъективных свидетелей требуют самой внимательной проверки с учетом данных актового материала этой эпохи, главное же — в свете богатых достижений советской археологии, опровергающей антинаучные измышления реакционной историографии.

³ Эти саги частично были собраны в начале XIII в. Снорре Стурлуссоном, у которого мы находим, например, известия о походах шведских конунгов на земли эстов и куршей в середине IX—начале X в. («Олафа-сага», «Гарольда-сага» и др.). Интересные сведения о жизни местного населения дают также «Гута-сага» (описывающая события середины I тысячелетия н. э.), «Инглинга-сага» (IX в.), «Ингвара-сага» (40-е годы XI в.). Известная сага Эгила Скаларимессона, где он рассказывает о приключениях, пережитых им вместе с братом Торольфом в стране куршей, является важным источником по истории Курземе начала X века. Обзор этих источников см. В. Neuman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit, S. 8—16. Stockholm. 1929.

⁴ См. O. Montelius. Schwedische Runensteine und das Ostbaltikum. «Балтийский сборник исследований по археологии и истории», стр. 140—146. Рига. 1914.

Бременского (вторая половина XI в.) и Саксона Грамматика (1150—1220), опять-таки дающие лишь отдельные сведения о социально-политическом развитии на территории куршей в IX—XI веках. Наконец, чрезвычайно интересным, но мало использованным источником являются записки шлезвигского купца Вульфстана, в конце IX в. посетившего земли пруссов. Записки дают возможность судить об общем уровне развития народов Прибалтики в эту эпоху.

Правильное истолкование этих скудных, но важных источников немислимо без привлечения данных археологии. Работы советских археологов Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и других ярко свидетельствуют о неопределенном значении вещественного материала для выяснения основных моментов становления классового общества у древних славян. К сожалению, использование археологических данных по истории народов Прибалтики затрудняется отсутствием соответствующих публикаций и монографических исследований, обобщающих отдельные наблюдения.

Что касается буржуазно-дворянской историографии, то ожидать помощи от неё нам, разумеется, не приходится. «Деятельность» апологетов остзейских баронов (А. Транзее-Розенек, Л. Арбузов) и буржуазных националистов (Фр. Балодис, А. Швабе), равно как и «методология» их лженаучного сочинительства, была порочна и враждебна исторической правде.

Дворянские историки, по существу, ничего не прибавили к невежественным суждениям своих предшественников — средневековых хронистов и писателей XIII—XVII вв., на все лады повторяющих, будто до появления немцев прибалтийское население находилось в состоянии беспросветной дикости. Они лишь обставили этот тезис громоздким аппаратом «учёнейших» ссылок и рассуждений о том, будто завоевание Ливонии в XIII в. было её открытием для «западной цивилизации» и одновременно спасением от восточного, то есть русского, «варварства». Самые ретивые из этих клеветников утверждали, что до прихода попов и рыцарей с запада латыши и эсты вовсе не имели своей истории. Транзее-Розенек, протаскивая в свидетели римского историка, жившего более чем за тысячу лет до упомянутого события, писал, что культура местных народов к XIII в. оставалась «не выше, чем у германцев эпохи Таята»⁵. Подобные утверждения были характерны для фашистствующих остзейских дворян вплоть до последнего времени.

Буржуазные националисты, вынужденные считаться с законным интересом народа к своему прошлому, «признавали», а иногда даже рекламировали отдельные достижения местной культуры. Вместе с тем они старались приписать эти успехи не народу, а его «предводителям», князьям и боярам, которые якобы выступали в роли инициаторов

⁵ A. Transehe-Rosenek. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland. «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte». Bd. 23, 1924—1926, S. 491.

хозяйственного подъёма и проявляли заботу о благополучии и безопасности всего населения.

Пытаясь обосновать «исторические права» местных эксплуататоров, националисты вступили на путь открытой фальсификации фактов. Так, они «открыли» существование в древней Латвии «феодальных монархий», будто бы возникших уже около 500 г. и вершивших дела международной политики на Балтийском побережье. Затуманивая социальную борьбу в период становления классового общества в Прибалтике, буржуазные националисты воскресили легенду о «золотом веке» латышской истории. Одновременно в целях борьбы против марксистско-ленинской теории исторического развития они пустили в ход выдумку об «извечном индивидуализме» латышей, никогда не знавших крестьянских общин и коллективной собственности на землю. В лютой ненависти к Советской России они старались скрыть от народа древние связи между населением Руси и Прибалтики, но зато по-холопски подчёркивали «западную ориентацию» местной культуры, якобы оказавшей только под «благодетельным влиянием» норманнов, немецких крестоносцев и англо-саксов. Наконец, возвеличивая местное боярство, продававшее свою родину крестоносцам, эти ренегаты докатились до отрицания самого факта германско-католического завоевания, изображая его как «договорные отношения» между захватчиками и покорённым населением.

Нетрудно понять, что противоречия между остзейской историографией и националистической пропагандой относились лишь к частным вопросам.

В корне по-иному освещается прошлое народов Прибалтики в трудах советских историков, изучающих это прошлое на единственно научной основе исторического материализма. Большим достижением в этой области следует считать работы проф. Я. Я. Зутиса⁶, в которых впервые серьёзно и обстоятельно разбирается вопрос о переходе древних латышей от первобытно-общинного строя к классовому, то есть феодальному, обществу. В ряде докладов проф. Х. А. Моора был приведён обширный археологический материал, убедительно подтверждающий факт интенсивного распада патриархально-родовых отношений уже с середины первого тысячелетия н. э.⁷ Совсем недавно вышла в свет интересная монография Т. Зейда по истории феодализма в Ливонии, автор которой высказывается в пользу того, что феодальные отношения на

территории Латвии начали возникать задолго до германско-католического вторжения в Прибалтику и независимо от него⁸. Наконец, нужно назвать ряд отдельных исследований по этнографии и археологии, посвящённых главным образом сложным вопросам этногенеза⁹.

Вместе с тем многое в этой области остаётся ещё недоработанным, неясным и спорным. В особенности это касается общих пособий по истории СССР, где нередко можно встретить довольно поверхностные, а зачастую и прямо противоречащие местным источникам суждения о Прибалтике. Например, хозяйство на рубеже I—II тысячелетий определяется подчас как охотничье и скотоводческое и в лучшем случае — «с зачатками земледелия» (П. И. Ляшенко, К. В. Базилевич), а общественный строй накануне завоевания как «разлагающийся» первобытно-общинный, без наличия «хотя бы примитивных государственных образований» (С. В. Юшков). Столь же ошибочные положения до последнего времени разделялись и рядом историков советской Прибалтики, работающих на местном материале. В статье Г. Мосберг и А. Вассар, посвящённой вопросам периодизации истории эстонского народа, утверждалось, например, что «существование первобытно-общинного строя растянулось на территории Эстонии до начала XIII в.»¹⁰. Из такой же, в сущности, позиции исходил и авторский коллектив макета «История Латвийской ССР», где период до начала XIII столетия рассматривался в рамках первобытно-общинного строя. Как уже отмечалось в печати, во время обсуждения первоначального варианта этого курса в числе его недостатков справедливо было указано на «нечёткость периодизации как эпохи феодализма, так и первобытно-общинного строя»¹¹. Такое положение объясняется лишь слабой изученностью источников, которые помогли бы осветить процесс разложения первобытно-общинного строя и возникновения раннефеодальных отношений на территории Восточной Прибалтики.

В начале нашей эры прибалтийские племена находились на последней стадии первобытно-общинного строя. Обработка металлов, а также земледелие и скотоводство, зародившиеся в предшествующий период, теперь вступили в полосу особенного подъёма.

⁸ См. T. Zeids. Feodalisms Livonija, lp. 61. Riga. 1951.

⁹ См. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, вып. XII за 1950 год.

¹⁰ Г. Мосберг и А. Вассар. Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР. Журнал «Вопросы истории» № 10 за 1950 г., стр. 63.

¹¹ А. Монгайт. Вопросы истории Прибалтики эпохи феодализма (к итогам объединённой сессии Отделения истории и философии АН СССР и институтов истории академии наук Прибалтийских республик). «Вестник Академии наук СССР» № 1, стр. 66. 1952.

⁶ См. серию «Очерков по истории Латвийской ССР». J. Zutis. Latvijas aizvestures problemas; Agrie viduslaiki Latvijā no 9 līdz 12 gadsimtam. Riga. 1948.

⁷ См. Х. Моора. Городища первого и начала второго тысячелетия на территории Эстонии. «Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвящённом вопросам археологии Прибалтики», стр. 11—16. М. 1951. См. также «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. IX, № 1, стр. 89—90. 1952.

В сложном хозяйстве сформировавшихся племён ведущая роль перешла к земледелию. Прежде, начиная с позднего неолита, это было примитивное земледелие, главным орудием которого служила мотыга. С появлением железного топора стала возможной расчистка леса и начался переход к подсечному земледелию. Почва, удобренная золой сожжённых деревьев, не требовала тщательного разрыхления и давала довольно высокий урожай, по крайней мере в первый год. Но быстро истощаясь, она нуждалась в длительном отдыхе, и крайне трудоёмкий процесс расчистки «лядины» через три—четыре года приходилось повторять сызнова. Лесная подсека — это земледелие без применения тяглового скота, её основное орудие — железный топор, наряду с которым уже в раннем железном веке применялась «горбуша», или «косарь», для вырубki мелких кустарников. О развитом, в основном земледельческом, хозяйстве I—IV вв. свидетельствуют найденные тут серпы и длинные косы, мотыги и зернотёрки, а также прямые указания на наличие всех основных злаков (ячмень, пшеница, позже рожь и овёс) и главных видов скота (лошади, быки, овцы, козы и свиньи)¹². «Вместе с тем пошло и быстрое размножение населения, поселявшегося густыми массами на небольших пространствах»¹³.

В Латвии и Эстонии этот подъём в производстве вполне обозначился уже в первые столетия н. э., когда население располагалось не по берегам рек и озёр, а на возвышенных сухих и плодородных местах¹⁴. Недаром уже Тацит («Германия», гл. 45) признаёт, что в производстве «хлеба и других плодов земли» население Прибалтики опережало древних германцев.

Характер земледелия определял общественные отношения. Подсека требовала производственных усилий целого коллектива, на данном этапе — патриархальной домашней общины, которая состояла из нескольких поколений родичей, ведущих хозяйство сообща. Сохранение родовых связей отражается в преобладании коллективных захоронений в раннем и частично среднем железном веке вплоть до V—VII веков. Это — курганные или грунтовые могильники большесемейных общин, хорошо известные, например, по раскопкам вблизи Екабпилса и Елгавы. Типичный курган такого рода представляет собой круг, выложенный оградой из валунов, внутри которого лежат впе-

ремежку до двух десятков скелетов обычно вместе с орудиями труда, оружием и украшениями¹⁵. Плоские каменные могильники Северной Прибалтики, состоящие из множества одиночных захоронений, расположенных рядом и вытянутых в длину до сотни метров, по мнению Х. А. Моора, «представляют известную параллель к длинным курганам кривичей и сопкам новгородских словен»¹⁶.

Но патриархальная домашняя община — это уже последняя ступень родового устройства. Подъём производства создавал возможность накопления частного богатства в руках главы общины и одновременно использования труда рабов. Новый общественный порядок окончательно утверждается в так называемом среднем железном веке (V—VIII вв.) на основе изменений, которые произошли прежде всего в области земледелия.

Как показали исследования советских археологов, у восточнославянских племён северной группы, так же как и в Прибалтике, во второй половине I тысячелетия совершался переход от подсечного земледелия к пашенному с применением сохи и тяглового скота. В отличие от степных пространств Юга здесь возник «лесной перелог» — хозяйственная система, сочетавшая применение топора с систематической обработкой расчищенных участков при помощи сохи, которую влекли бык или лошадь. Железный сошник, самый древний из известных пока у восточных славян, относится к VII веку. Замечательно, что и найден он по соседству с Прибалтикой, при раскопках Старой Ладоги, на новгородской территории¹⁷.

Нет оснований сомневаться в том, что и у прибалтийских племён пашенное земледелие развивалось так же, по крайней мере с VII—VIII веков. Правда, местные находки сошников из железа относятся к так называемому позднему железному веку, когда и письменные источники показывают наличие здесь постоянных полей, а в качестве единицы обложения — земельный надел («соху») или лошадь. Это — три сошника из могильника Перлюкалнс (Валжского района) и несколько сошников из Латгалии. Более древние сошники археологами пока не найдены, что отчасти можно объяснить слабой изученностью среднего железного века на территории Латвии и Эстонии. Кроме того необходимо учитывать, что на первых порах сохи изготовлялись полностью из дерева, в виде так называемой «сукватки» (ствол

¹² Материалы археологии подтверждаются данными языковедения. Множество латтолитовских терминов, обозначающих злаки, орудия труда, полевые и домашние работы, жилые и хозяйственные постройки земледельца, равно как и названия скота или заготовку кормов (предполагающую стойловое скотоводство), — общё со славянскими и, следовательно, возникло очень давно, в эпоху первоначальной этнической близости славян и балтийцев.

¹³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 25. Госполитиздат. 1950.

¹⁴ См. Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland. Bd. 2, S. 637 f. Tartu. 1937.

¹⁵ См. Н. Моора. Ausgrabungen ältereisenzeitlichen Hügelgräber im Kreise Ekabpils (Pieminekļu valdes materiālu krājumi. Arhāiologijas raksti, I. Sejmums, treša daļa. Rīga. 1928); Н. Моора. Ein Hügelgräber der römischen Eisenzeit im Ile, Kreis Elgava (Congressus secundus archeologorum balticorum, p. 437—465. Rigae. 1939).

¹⁶ «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, вып. XII за 1950 г., стр. 32—33.

¹⁷ См. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. «Советская археология». Т. XII. 1950.

ели с оставленными на известную длину и обожжёнными для прочности сучьями), которая для археологов, вероятно, навсегда утрачена¹⁸.

Если учесть, что вспашка сохой требует рабочих рук в 10—15 раз меньше, чем вспашка при подсечной системе, то переход к плужному земледелию придётся признать огромным достижением в области развития производительных сил. Это привело к серьёзным переменам также и в характере общества. Новая техника позволяла вести производство силами индивидуальной семьи, выделившейся из коллектива патриархальной домашней общины. С этого времени общественной единицей делается соседская, или территориальная, община, состоявшая из совокупности мелких крестьянских хозяйств.

Если подсечное земледелие было связано с родовым патриархальной общиной, то соха получает широкое распространение лишь в условиях соседской общины или деревни¹⁹. Деревня и отдельный крестьянский двор — это хозяйственные ячейки уже эпохи феодализма, для которого, по определению Ленина, характерно как раз преобладание раздробленного, индивидуального производства мелких крестьян²⁰. Полевые участки, находившиеся в постоянном владении отдельных семей, постепенно переходили в частную собственность сначала наиболее зажиточных, а потом и рядовых владельцев. Конечно, при «лесном перелог» традиции коллективного производства сохранились значительно дольше, нежели на степном Юге, и это было одной из причин замедленного развития общественных отношений в Прибалтике. Несомненно, однако, что во второй половине I тысячелетия пашенное земледелие укреплялось и приобретало ведущее место в хозяйстве прибалтийских племён. Постепенная индивидуализация производственного процесса, а вместе с тем и появление аллода — свободной, отчуждаемой собственности на пашенные участки, «с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян»²¹.

Логика исторического развития рано или поздно должна была поставить вопрос и о создании органов и средств принуждения, которые закрепляли бы народившиеся в обществе отношения эксплуатации. Замена родовых связей территориальными точно так же означала переход к организации общества, в котором происходило возникновение классов. Иными словами, оформление классовых отношений по производству, в области базиса, неизбежно должно было привести к появлению отдельных элементов государственной и правовой надстройки.

¹⁸ См. А. К. Сулянский. К истории земледелия на русском Севере. «Советская этнография» № 2 за 1949 г., стр. 138—141.

¹⁹ См. П. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, стр. 26, 33. М.-Л. 1932.

²⁰ См. В. И. Ленин, Соч. Т. 3, стр. 271.

²¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 160.

Указанный процесс развивался в Прибалтике теми же путями, что и на соседних землях Северо-Западной Руси. Источники позволяют выяснить и конкретные его черты на территории Латвии.

Обособление индивидуальных хозяйств на основе большей производительности труда при пашенном земледелии археологически выражается в исчезновении коллективных могильников, постепенно вытесняемых одиночными погребениями. Спорадически этот процесс наблюдается уже с середины тысячелетия, и прежде всего у куршей, стоявших в этот период по своему развитию выше других древнелатышских племён. Но и в Латгалии VII—VIII вв. покойников начинают хоронить не в курганах, а в грунтовой яме, в обыкновенных деревянных гробах. С другой стороны, резко усиливаются различия в инвентаре отдельных захоронений. Среди простых и скромных захоронений выделяется, например, богатое куршское погребение из Гейстаули, Лиепайского района, где наряду с культовым сосудом найдены железный наконечник копья и кинжал, коса, а также богатый набор украшений — фибулы, гривны, цепочки, большей частью из серебра. В Оши, Добельского района, наряду с аналогичными богатыми захоронениями земпалов есть также бедное погребение, весь инвентарь которого состоит из рабочего топора-кельта и косы-горбуши. Такую же картину представляют одиночные могилы VI—IX вв. в Латгалии, среди которых особо выделяется богатое погребение в Леяс-Битени, Плявиньского района. Не считая оружия (два копья и проушной топор), здесь обнаружены роскошный, покрытый бронзовыми пластинками пояс и точеный из рога ритон, необычайно искусно отделанный медью²².

Конечно, на обрядовую сторону погребений, в особенности латгальских, могла влиять и древняя традиция, поэтому судить об имущественном достатке тех или иных семей следует осторожно. Тем не менее столь резкая разница в инвентаре отдельных захоронений, особенно в свете приведённых выше данных о переменах в производстве, позволяет сделать заключение о появлении более или менее зажиточной прослойки.

Наличие серьёзной имущественной, а может быть, и социальной дифференциации подтверждают также многочисленные находки кладов V—IX вв., состоящих из множества драгоценностей, в особенности же оружия. Последнее свидетельствует об участившихся войнах за богатство, характерных для времени интенсивного распада родоплеменных отношений и зарождения первых общественных классов. Примечательно, что самые большие клады оружия относятся к V—VII вв., на которые и приходится, повидимому, время расцвета военной демократии как промежуточного периода между бесклассовым и классовым обществом. Такие огромные клады оружия, какие

²² Приведённые материалы имеются в экспозициях Государственного исторического музея Латвийской ССР.

найлены, например, в Кокумуйжа²³, равно как и усиление городищенских укреплений этой эпохи²⁴, характеризуют то состояние общества, когда война за богатство «становится постоянным промыслом»²⁵. Это предполагало, конечно, и наличие известной «организации для войны», прежде всего развитой системы племенных союзов, возвышения богатых и знатных военачальников и постоянной дружины. Повидимому, богатства именно знатной верхушки характеризуются многочисленными кладами у земгалов, ливов и куршей V—VIII веков. Встречающиеся там, помимо оружия, отдельные предметы хозяйственного обихода с очевидностью указывают на то, что военный грабёж уже дополнялся и другими источниками накопления частного богатства.

В ходе освоения плодородных земель и расселения земледельцев по разбросанным открытым местам родовые связи заменялись территориальными, то есть соседскими. Перемещение «своих» и «чужих» в пределах территории нового поселения, наблюдаемое во второй половине I тысячелетия, приводило к постепенному выделению из родовой патриархальной общины индивидуальной семьи, главной предпосылкой чего являлась большая производительность труда при пашенном земледелии. Таким образом, мы вправе говорить о формировании в этот полуфеодальный-полупатриархальный период нового общественного порядка — раннефеодального строя. Но вставшие на место родовых чисто территориальные связи означали в то же время и создание политических связей, появление государства. Начавшееся разделение общества на богатых и бедных создавало публичную власть, «которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как

вооруженная сила»²⁶. Понятно, что это могло быть только феодальное государство, являвшееся, по определению Энгельса, «органом дворянства для подавления крепостных крестьян»²⁷.

Безусловно, наконец, что указанный процесс отразился также и на ходе этногенеза в Прибалтике. В частности, получает объяснение констатируемое археологией проникновение латгальских этнических элементов на территорию Северной Латвии, которую до V в. занимали ливо-эстонские (финские) племена, а также продвижение куршей к низовьям Венты, где в древности жили ливы. Если реакционная буржуазная историография объясняла это исключительно завоеванием, исконной «враждой племён» балтийских и финских, то советские историки видят в этом прежде всего проявление общего роста производительных сил и в первую очередь пашенного земледелия в среднем железном веке, которое наиболее успешно развивалось сначала в Южной Прибалтике. Процесс внутренней земледельческой колонизации делал более тесным общение между племенами, которое способствовало оформлению будущих прибалтийских народностей XI—XII веков.

★

Признаки образования классов и государства, по имеющимся источникам, раньше всего обнаруживаются у южной группы балтийских племён, в частности у пруссов и куршей.

В рассказе купца Вульфстана²⁸, посетившего южные берега Балтики в конце IX в., даётся описание некоторых сторон быта древних пруссов («эстиев»). В обширной земле эстиев «находятся многие города и в каждом городе есть король (cuning)». Упоминаются также и богатейшие люди (ra ricostan men), неимущие и рабы (ra unspedigian and ra peowan). «Между ними происходят частые войны». Далее Вульфстан сообщает о некоторых обычаях пруссов, связанных с погребальным обрядом. Покойники, в особенности «короли» и «другие высокие люди», долгое время («тем дольше, чем больше они имеют богатства») остаются лежать несожжёнными «в кругу своих родичей и друзей». Всё это время в доме иродолжаются пищё и игры. На игрища приглашаются лучшие всадники страны, в том числе и «чужие», а победитель получает соответствующую долю из имущества покойника (his feoh).

В этой картине многозначителен каждый штрих. Перед нами общество, изживающее последнюю ступень «военной демократии» с её реликтами родового устройства, войнами за богатство и авторитетом военачальников, окружённых постоянной дружиной. Многое уже не вмещается в рамки древних патриархальных порядков. Конечно, «короли» Вульфстана — это в известной мере военные предводители, но уже не племена,

²⁶ Там же, стр. 177.

²⁷ Там же, стр. 178.

²⁸ См. «Scriptores rerum Prussicarum». Bd. I, pp. 733—735. Leipzig. 1861.

²³ В Кокумуйжа, вблизи городища Межалкалнс (на территории Латвии) обнаружены два клада, датруемых концом V века. В одном из них (1869 г.) найдено около 1200 предметов, в том числе: 600 наконечников копий и стрел, 170 топоров, 9 мечей и 13 мотыг; в другом (1930 г.) — более сотни предметов вооружения, предварительно разбитых и побывавших в огне, может быть, в порядке своеобразного жертвоприношения воинов, совершённого после удачной битвы (см. «Congressus secundus archeologorum balticorum», стр. 473—478). О другом богатом кладе V в., найденном в окрестностях Тарту, см. «Балтийский сборник исследований по археологии и истории», стр. 97—116. Рига, 1914.

²⁴ См. Х. Моора. Городища первого и начала второго тысячелетия на территории Эстонии (тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвящённых вопросам археологии Прибалтики. М. 1951); ср. также сборники: «Die Letten», S. 113. Riga. 1930; «Congressus secundus archeologorum balticorum», S. 275.

²⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

а территориальных округов. «Высокие люди» не просто родовые старейшины или удачливые дружинники, но определённо люди имущие, богатство которых не исчерпывается золотом или скотом. У них свои постоянные дома и дворы, где, надо полагать, и находят своё применение труд «рабов», а возможно, и «неимущих людей». Добавим, наконец, что здесь общественное неравенство развивается в обществе земледельческом²⁹, следовательно, затрагивает и поземельные отношения, перестройка которых идёт в сторону разложения сельской общины и возникновения феодализма.

К сожалению, у нас нет столь же обстоятельных известий о переменах в общественном строе древнелатышских племён, обитавших по течению Даугавы. Исключение составляет одно из приморских племён — курши, — лучше известное западноевропейским хронистам. Письменные свидетельства о куршах, относящиеся к IX—X вв., совершенно аналогичны тому, что можно наблюдать у древних пруссов.

Следует подчеркнуть, что развитие куршей происходило в обстановке, не совсем типичной для других племён Восточной Прибалтики. Находясь по соседству с очагами древнего железного производства в Восточной Пруссии, курши успешно развивали кузнечное ремесло, основанное на местной добыче железа из болотной руды³⁰. Можно предпологать, что и в области земледелия, которое уже в раннем железном веке приобретало ведущую роль в хозяйстве, курши опережали другие древнелатышские племена³¹. Вместе с тем сильнейший отпечаток на хозяйственное и политическое развитие этого племени накладывало их расселение по Балтийскому побережью. Находимые здесь оружие и украшения свидетельствуют не только о развитии морской торговли куршей, но также и о набегах этих воинственных мореходов на соседние страны, в частности на остров Готланд и на берега Скандинавии. Военный флот куршей ещё в начале XIII в. был грозой для немецких захватчиков, — достаточно вспомнить рассказ Генриха Латыша о нападении куршей на Ригу в 1210 году. Военные походы куршей, которые во второй половине I тысячелетия зачастую предпринимались как ответ на агрессию скандинавов, несомненно, обогащали прежде всего предводителей из местной знати.

Говоря о родовой знати периода военной демократии, следует иметь в виду такие источники обогащения, как захват движимого богатства в сочетании с примитивной торговлей драгоценными товарами и, очевидно, рабами. В этом смысле можно сказать, что признаки военно-родовой демократии на территории Курземе выступают особенно ярко. Вместе с тем уже в IX—X вв., когда здесь начали создаваться довольно обширные племенные союзы, в обществен-

ном строе куршей проступают и черты, несомненно, новые. Руководители этих союзов распространяют свою власть на определённую территорию; с другой стороны, отдельные признаки указывают на зарождающиеся крупного землевладения в рамках несомненно уже существовавшей сельской общины.

По крайней мере, источник IX в. «Житие св. Ансгария»³² говорит о «княжестве» (gegnum) куршей, которое делится на пять городских округов (civitates). Население Курсы упорно боролось с набегами скандинавов, прибывавших сюда с целью грабежа или обложения данью приморских земель. В начале IX в. курши сбросили иго шведов, а около 854 г. разгромили в датских пришельцев, уничтожив половину их войска и кораблей и отняв награбленную добычу. Описывая затем новые нашествия шведов на Курсы, автор упоминает «города» (urbes) куршей: Зеебург³³ и Апулию, вмещавшие, по его словам, гарнизоны в 7—15 тыс. человек (цифры эти, несомненно, преувеличены).

В «Датской истории» Саксона Грамматика³⁴ приводится ряд других эпизодов, отражающих борьбу куршей против скандинавов. Трудно сказать, насколько правдоподобны описанные там события, однако подробности относительно политического устройства Курсы хронист вряд ли выдумал. Здесь, между прочим, упоминается о новом поражении захватчиков в конце IX века. Правитель Курсы «тиран» Локер, разбивший шведского викинга, безусловно, обладает единоличной властью в стране и, возможно, над упомянутыми в предыдущем источнике пятью округами. В самом начале X в., когда шведы снова устремляются за добычей «в пределы куршей», мы опять слышим о «короле» Курсы, по имени Дорно, который приказывает своим воинам опустошить родную землю дотла: «Так как для защиты крепостей сил у куршей не доставало, они собирались погубить неприятеля голодом».

Конечно, «гех» и тут ещё не король. Тот же Саксон рассказывает об обычаях куршей избирать себе «королей»-предводителей перед военным походом. Власть правителя, обширная в военное время, как видно, не передавалась ещё по наследству и явно ограничивалась народным собранием. «Воины» Дорно — это, понятно, вооружённый народ. Тем не менее перед нами признаки складывания государственной организации с делением страны по территориальному принципу и политической властью социальной верхушки.

³² См. «Senas Latvijas vestures avoti», 1. burtinica. № 5 (Riga, 1939).

³³ Зеебург (ныне Гробиня, близ г. Лиепай) был основан, повидимому, самими куршами. Раскопки 1929 г. показали наличие здесь временной скандинавской колонии между 650 и 800 гг., то есть незадолго до событий, описанных Римбертом. См. «Congressus secundus archeologorum balticorum», p. 195—205.

³⁴ См. «Senas Latvijas vestures avoti», 1, № 7, 8, 9 (конец IX — начало X века).

²⁹ См. В. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории» № 8 за 1947 год.

³⁰ См. Н. Мога. Die Eisenzeit. Bd. 2, S. 653 f.

³¹ См. там же, стр. 638—639.

Появление этой организации вызвано, видимо, крупными переменами в общественно-экономических отношениях; в частности, возвышение племенной знати происходит в обстановке общества в основном сельскохозяйственного. Об устойчивом земледелии, помимо археологии, говорит сага об Эгиле Скалагримссоне, участнике военного похода на Курсу в начале X века. Чтобы сломить сопротивление куршей, захватчики опять-таки опустошили их землю. Сам Эгил и его люди были захвачены в плен при попытке разграбить одну из деревень куршей. Случайно освободившись, они взяли с собой трёх других пленников-датчан. Очевидно, местная знать, выдвигавшая из своей среды «королей» и «вождей», успела обзавестись хозяйством, где использовались рабы-пленники. Тот же Эгил рассказывает о поселениях, обнесённых изгородями, и об имевших различное хозяйственное назначение построек куршей. Он упоминает даже двухэтажное жилое помещение, которое, очевидно, принадлежало богатому человеку — представителю нарождавшейся землевладельческой знати.

Повидимому, в том же направлении протекало в это время развитие и других племён древней Латвии. По свидетельству того же Саксона Грамматика, шведские викинги в конце IX в. неоднократно высаживались у «города на Двине», где будто бы правил некий Гандван — «король Геллеспонта». Не одолев прочных стен и валов этой крепости, завоеватели сожгли «город» хитростью, а за пленённого ими «короля» взяли большой выкуп золотом. В другой раз, уже в начале X в., захватчики опять взяли «город» Гандвана, но тот успел погрузить свои «королевские сокровища» на корабли и потопил их в море. Отмечая, таким образом, богатство этого правителя, летописец подчёркивает и его политический авторитет в своём «царстве»: викинги соглашались на мир лишь после того, как он отдал свою дочь в жёны норманскому предводителю. Можно сомневаться в отдельных деталях рассказа, в целом же эти события вполне укладываются в рамки того, что нам известно из более надёжных источников, как археологических, так и письменных.

Приведённые данные определённо свидетельствуют о возникновении классового общества у древних пруссов и куршей, о зарождении феодализировавшихся государств на юго-востоке Прибалтики. Дальнейший ход общественно-политического развития Курземе до начала XIII в. в письменных источниках совершенно не освещён. Но то, что мы знаем из документов времени германско-католического нашествия, свидетельствует об отставании куршей по сравнению с другими древнелатышскими племенами, особенно земгалами и латгалами.

Чем же объяснить общее отставание социально-экономического и политического развития Прибалтики по сравнению, например, с Русью? При ответе на этот сложный вопрос необходимо учитывать всю совокупность исторических условий, которые в рассматриваемый период для местных народов складывались неблагоприятно.

Древнерусское государство, включившее в свой состав и северную группу восточнославянских земель, выросло на основе переходной культуры среднего Поднепровья с его древними сельскохозяйственными традициями (пашенное земледелие было известно уже в скифские времена) и тех политических объединений славянства, которые сложились в предшествующий период. К IX в. здесь побеждают феодальные отношения; остатки патриархально-общинного строя сохранились лишь на окраинах древней Руси.

Иначе шло развитие в Прибалтике. Прежде всего нужно учитывать более замедленное развитие производительных сил. Скудость природной обстановки — нехватка металлов и недостаточное плодородие почвы, обилие лесов и болот — задерживала переход к передовым формам сельскохозяйственного хозяйства, заставляла население цепляться за более примитивные способы добывания жизненных средств: охоту, бортничество и рыболовство. В момент столкновения славяно-германского мира с рабовладельческими цивилизациями Рима и Византии Прибалтика оставалась на периферии событий. Здесь переход к феодализму происходил путём медленной эволюции. Наконец нельзя сбрасывать со счетов и некоторые особенности политической обстановки, которые тяжело сказывались на развитии Западной Латвии, племён древней Курсы и двинского Понизовья.

В середине I тысячелетия эта территория сделалась форпостом борьбы прибалтийских племён против захватчиков с запада. Натиск скандинавов достиг наибольшей силы в IX—X вв., когда под ударами норманнов оказалось всё побережье Европы, от Балтики до Средиземноморья включительно. Выселяясь сначала на прибрежные острова, отдельные «конунги» с дружинами проникали в устье Даугавы, грабя куршей и эстов, и даже в русскую землю. Временами они утверждали в отдельных районах своё господство, облагая местное население тяжёлыми даними, разоряли деревни и укрепления.

Источники говорят о героическом сопротивлении прибалтийских племён и соседней славян иноземным насильникам³⁵. Нельзя, однако, недооценивать губительных последствий скандинавской экспансии, длившейся более 500 лет. Уничтожение населения и материальных ценностей подрывало успехи в общественно-экономическом развитии куршей и ливов. Страна на время нашествия превращалась в вооружённый лагерь: крестьянин то и дело должен был оставлять

³⁵ Известный текст русской летописи об изгнании в 859—862 гг. варяжской дружины является первым историческим свидетельством о совместной борьбе кривичей и словен и прибалтийских племён против захватчиков с запада: «чудь» вместе с русскими прогоняет варягов и снова принимается «города ставити». Повидимому, именно эта связь с русскими славянами и помогла прибалтийским племенам устоять и сохранить свою независимость от покушений скандинавских захватчиков.

соху и хвататься за меч. Всё это способствовало сохранению отдельных традиций военно-демократического устройства, отражавшего, в сущности, уже пройденный этап политического развития. Понятно также, что скандинавы не могли ничему научить прибалтийские племена, культура которых стояла выше культуры разбойников-«викингов» Мешая мирному развитию и общению древнелатышских племён, военные набеги и временные захваты тормозили образование единой латышской народности.

Изучающему вызревание феодальных отношений в следующий период (XI—XII вв.) приходится обращаться к Восточной Латвии, где это развитие не встречало подобных препятствий и, наоборот, стимулировалось соседством латгалов с передовой феодальной Русью.

★

Археологические и письменные показания об общественном развитии прибалтийских и главным образом древнелатышских племён в I тысячелетии н. э. позволяют сделать следующие выводы.

На последней стадии первобытно-общинного строя их развитие определяется успехами земледельческого хозяйства, причём для второй половины указанного отрезка времени ведущая роль пашенного, то есть индивидуального, земледелия представляется несомненной. Военно-родовая демократия как переходный период между бесклассовым и классовым обществом уже к VII—VIII вв. была для восточноприбалтийских племён этапом, безусловно, пройденным.

Последние столетия I тысячелетия проходят под знаком развития полуфеодальных-полупатриархальных отношений. Это строй территориальной, или соседской, общины, внутри которого происходит борьба между старым, первобытно-общинным укладом (который сочетался с патриархальным рабством) и новым, феодальным укладом.

Зарождаясь в IX—X вв., феодальный уклад становится ведущим, преобладающим только в следующий период, который кончается вторжением в Прибалтику герман-

ско-католических крестоносцев. Судя по данным хрониста Генриха и частично «Рифмованной хроники», существование крупного землевладения местной старшины, опирающейся на дружинные отряды и замки и подчиняющей своей власти массу рядовых общинников — эстов и латышей, — по крайней мере, для XI—XII вв. представляется несомненным. Уже в конце I тысячелетия, и в первую очередь на территории куршей (вначале, как указывалось, опережавших в своём развитии другие древнелатышские племена), появляются примитивные политические образования, которые необходимо рассматривать как первые попытки создания раннефеодальной государственности на местной основе. Проследить их дальнейшую судьбу на западе Латвии за отсутствием надёжных источников невозможно. И лишь спустя некоторое время, на этот раз у латгалов, мы наблюдаем существование раннефеодальных княжеств в районе Герпике — Кокнесе а также в области Талавы (Северо-Восточная Латвия), возникших под несомненным влиянием русской государственности и павших под ударом крестоносных завоевателей.

Стало быть, нет оснований считать, что существование первобытно-общинного строя растянулось в Прибалтике до начала XIII века. Период, охватывающий по крайней мере XI—XII вв., характеризуется торжеством отношений раннефеодального типа. Имея в виду некоторые результаты дискуссии по вопросам периодизации истории СССР, приходится согласиться с тем, что население Прибалтики уже «на протяжении IX—XI вв. также переживало процесс феодализации»³⁶, причём темпы указанного развития заметно усиливаются в последующие столетия благодаря тесному общению прибалтийских народов с передовой феодальной Русью.

³⁶ Л. Черепнин. О периодизации истории СССР периода феодализма. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. IX, № 2, стр. 118. 1952.